

Дёмин Илья Вячеславович

ИСТОРИЯ И МИФ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФРАНКА АНКЕРСМИТА

В статье анализируется философско-историческая концепция Франка Анкерсмита. Основное внимание уделяется вопросу о соотношении исторического и мифологического способов осмысления прошлого. В трактовке исторического опыта как опыта ностальгического Анкерсмит преодолевает традиционное противопоставление истории и мифа и рассматривает миф в качестве структурного элемента историописания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/11/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (113). С. 47-49. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 930.1

Философские науки

В статье анализируется философско-историческая концепция Франка Анкерсмита. Основное внимание уделяется вопросу о соотношении исторического и мифологического способов осмысления прошлого. В трактовке исторического опыта как опыта ностальгического Анкерсмит преодолевает традиционное противопоставление истории и мифа и рассматривает миф в качестве структурного элемента историописания.

Ключевые слова и фразы: история; миф; мифология; историческое сознание; исторический опыт; ностальгия; Анкерсмит.

Дёмин Илья Вячеславович, к. филос. н., доцент

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
ilyadem83@yandex.ru

ИСТОРИЯ И МИФ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФРАНКА АНКЕРСМИТА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года).

Противопоставление истории и мифа, исторического и мифологического («мифопоэтического») миропонимания является общим местом современной философской литературы. В рамках привычной дихотомии «историческое – мифологическое» миф и история мыслятся в качестве: 1) различных способов восприятия времени; 2) различных типов культуры и способов смыслообразования; 3) различных типов повествования о прошлом и будущем [8].

Традиционная дихотомия «историческое – мифологическое» в современной литературе всё чаще подвергается критическому пересмотру. Противопоставление истории и мифа в качестве альтернативных и не совместимых друг с другом способов миропонимания не позволяет, во-первых, описать и концептуализировать взаимосвязь исторического и мифологического, обнаруживающуюся во *всякой* культуре, а во-вторых, объяснить, почему по мере распространения исторического мышления на новые области действительности (вплоть до истории мира повседневности и структур психической жизни) история (историописание) всё более мифологизируется и всё менее становится похожей на «строгую науку»?

Франклин Рудольф Анкерсмит одним из первых поставил задачу радикально пересмотреть традиционную и ставшую привычной дихотомию «исторического и мифологического», показал нераздельность этих форм общественного сознания. Постановка этой задачи привела автора к необходимости трансформации традиционных представлений как о специфике исторического, так и (в ещё большей степени) о специфике мифологического.

Анкерсмит отвергает распространённую «эпистемологическую» трактовку мифа как фантастического повествования. Миф для него – это, прежде всего, особый *тип дискурса*, выполняющий в культуре и человеческом бытии определённые функции. Миф представляет собой рассказ, предметом которого выступает *изначальное* и *внеисторическое*. Миф повествует о внеисторическом начале и происхождении чего-либо (человека, государства, какого-либо социального института) из данного начала. В этом смысле всякий миф *этиологичен* [6; 7].

Мифологическое повествование как рассказ об «изначальном» и «естественном» состоянии (человека и общества) не является атрибутом только архаического сознания и архаической культуры. Анкерсмита не интересует процесс перехода от мифологического видения мира к историческому, процесс «эмансипации» истории от мифа, совершающийся во *всемирно-исторической* перспективе [2]. Миф рассматривается Анкерсмитом не в качестве исторически первой формы культуры, сменяющейся впоследствии более сложными и дифференцированными способами духовного производства (религией, философией, наукой), но в качестве *типа дискурса*, присутствующего в пространстве любой культуры. Исторический и мифологический типы дискурса анализируются и сравниваются не в контексте спекулятивно сконструированной схемы «всемирной истории», но в контексте *человеческого существования*, неотъемлемой характеристикой которого выступает темпоральность. Мифологический тип повествования не предшествует историческому сознанию и дискурсу историописания в масштабе «всемирно-исторического процесса», но, как будет показано далее, является его структурной, инвариантной характеристикой.

Что представляет собой миф как форма повествования и тип дискурса? Внимание мифологического сознания всегда приковано к *границе*: между хаосом и космосом, смертью и бессмертием, человеческим и божественным. Миф – это всегда ответ на вопрос, как совершается *переход через границу*. Миф есть повествование о начале (изначальном), происхождении (генезисе) и переходе границ (трансцендировании). Миф говорит о том, как из хаоса возникает порядок (космологические мифы), как из исходного (райского) состояния единения с Богом человек переходит к состоянию падшему, земному (библейский миф о грехопадении), из первоначального целостного (андрогинного) состояния – к расщеплённому и половинчатому (миф об андрогине). Этот перечень может быть продолжен перечислением наиболее влиятельных современных «мифов», повествующих о том, как из животного состояния осуществляется переход к состоянию человеческому (миф об «эволюции»), от предыстории – к собственно истории (марксистский миф о коммунизме), от «естественного» догосударственного состояния – к гражданско-правовому порядку (либеральный миф о государстве). Повествование о начале (происхождении) мира, человека, социального порядка не может быть *историческим*, оно может быть только *мифологическим*.

Путеводной нитью в осмыслении проблемы «миф и история» для Анкерсмита становится высказывание английского антрополога Виктора Тернера: «мифы говорят о происхождении, но сами берут начало в переходных ситуациях» [1, с. 495]. Данный тезис разворачивается Анкерсмитом в двух направлениях: *историзации мифа* и *мифологизации историописания*. С одной стороны, фиксируются исторический характер и историческая обусловленность мифа, мифологического повествования, с другой стороны, миф полагается в качестве источника и основания историописания как такового.

В контексте философско-исторической рефлексии главной границей, которая полагается в мифе, выступает граница между *доисторическим* и *историческим*, между «изначальным» (сакральным) временем мифа и профанным временем истории. «Мифы, – пишет Анкерсмит, – отделяют доисторический мир вечной и квазиестественной стабильности от переменчивого мира, в котором мы живем в настоящий момент» [Там же, с. 496]. В сердцевине всякого мифа – повествование о квазиестественном, «райском», прединформационном состоянии. Переход от мифа к истории, от «предыстории» к собственно истории необходимо понимать не в качестве *однократного* и *разового* события, здесь, скорее, следует говорить о том, что этот переход *имманентен* самой истории и является трансцендентальным условием возможности историописания как такового. Граница между *предысторией* (мифом) и собственно *историей* всякий раз обретается *в самой истории*, посредством историописания.

Механизмом конституирования границы между *мифологическим* и *историческим*, согласно Анкерсмит, выступает *возвышенный исторический опыт* [3]. История предполагает внеисторическое начало, но это начало всякий раз оказывается укоренённым в самом историческом времени. «В жизни цивилизации, – отмечает Анкерсмит, – не бывает более мощной бури историзации и нарративизации, чем в моменты, когда она переходит от своей мифической стадии к историческому времени. Ведь об этом переходе можно рассказать не только мифическую нарративную историю – этот рассказ из рассказов, – но, более того, историю о происхождении самого времени. В этом смысле миф является условием возможности любой истории и любого исторического нарратива» [1, с. 497].

Оригинальность подхода Анкерсмита к философской проблеме «миф и история» во многом обусловлена трактовкой мифического прошлого как прошлого *мифологизированного*. Мифологическое прошлое открывается только в контексте *исторического* опыта и *исторического* сознания. Оно предстаёт в качестве квазиестественного и внеисторического состояния лишь в процессе *историзации* и *нарративизации*. В этом смысле миф является не отрицанием возможности истории, но необходимым структурным элементом самого историописания.

Рассматривая темпоральную структуру мифологического сознания в терминах *памяти* и *забвения*, Анкерсмит отмечает, что мифологическое прошлое, в отличие от исторического, не может быть содержанием индивидуальной или коллективной памяти субъекта. *Помнить* (удерживать, сохранять в памяти) и *вспоминать* мы можем только *историческое* прошлое, мифологическое прошлое мы помнить и припоминать не можем: невозможно помнить то, что *предшествовало истории*, историческому времени. Там, где наша память оказывается бессильной, в дело вступает *миф*. «Мифическое прошлое, – пишет Анкерсмит, – с необходимостью таково, что оно не оставляет никаких следов в нашей современной реальности, а значит, это прошлое, о котором мы совершенно “забыли”» [Там же, с. 496-497]. Мифическое прошлое оторвано от настоящего, его невозможно переосмыслить и переинтерпретировать в свете настоящего, поскольку оно находится вне нашей досягаемости [Там же, с. 497]. Мифическое прошлое, совпадающее с «первоначальной» идентичностью социального субъекта, может быть раскрыто лишь в *модусе утраты*, в качестве того, что мы «уже потеряли и не сможем вернуть никогда», оно ностальгически переживается социальным субъектом.

Ностальгически переживаемое мифологизированное прошлое как бы выводится за пределы исторического времени, но происходит это *в самом процессе историзации*. Социальный субъект в ситуации разрыва со своей прежней идентичностью создаёт исторические нарративы о своём прошлом, *тем самым мифологизируя* это прошлое, полагая его в качестве «квазиестественного» и изначального.

Возвышенный исторический опыт представляет собой переживание исторического события как события *травматического*. Это переживание ставит под вопрос прежнюю идентичность субъекта и приводит к такому явлению, которое Анкерсмит назвал «бурей историзации и нарративизации». «Интенсивная историзация и нарративизация в условиях возвышенного исторического события, – пишет Анкерсмит, – может совершенно аннулировать историческую идентичность предшествующего периода и полностью заменить ее на новую» [Там же]. «На месте, которое занимала прежняя идентичность, образуется пустота, своего рода историческая яма; и только буря историзации и нарративизации может напоминать о том, что было раньше» [Там же, с. 497-498].

В качестве примера возвышенного исторического опыта как травматического опыта смены идентичности Анкерсмит приводит событие Великой французской революции. Опыт революции есть *опыт разрыва* между прошлым и настоящим, между прежней идентичностью и новой идентичностью индивидуального или коллективного социального субъекта (Анкерсмит не проводит принципиальных различий между индивидуальной и коллективной формами исторической идентичности [4; 5]). Однако травматическое переживание этого события не только конституирует новую идентичность, но и заставляет увидеть прошлое (прежнюю идентичность) в новом свете. Разрушая традиционный порядок, революция в то же время *высвечивает его* как «навсегда утраченный», *мифологизируя* дореволюционное прошлое.

Революция как возвышенный исторический опыт *открывает*, делает зримой и прозрачной нашу *прежнюю* идентичность (то, чем мы *уже не являемся*) и конституирует *новую* идентичность. Осознать прежнюю идентичность как идентичность *утраченную* можно только с позиций *новой* идентичности, а новая идентичность конституируется только в акте отречения от старой идентичности. Возвышенный исторический опыт есть «опыт без субъекта опыта» в том смысле, что субъект (идентичность) *не предшествует* этому опыту,

но конституируется в самом этом опыте. Французская революция как травматический опыт и разрыв с прежней идентичностью, с одной стороны, *открывает* прежний дореволюционный порядок в качестве предмета историописания, пробуждает историческую мысль, с другой стороны, в процессе историописания это прошлое (дореволюционный порядок) неизбежно *мифологизируется* и *идеологизируется*, как бы выводится за пределы исторического времени. Мифологизация проявляется в идеализации или, наоборот, демонизации прошлого.

Революция, переживаемая в качестве травматического события, в возвышенном историческом опыте как бы открывает *новую страницу истории*, а точнее, становится *границей*, отделяющей собственно историю (которая *начинается*) от «предыстории» (которая *завершается*). При этом «предыстория» *мифологизируется*, то есть полагается в качестве квази-естественного, «первоначального», «исконного», *исторически необусловленного* состояния. Однако «мифологическое» и «первоначальное» для субъекта возвышенного исторического опыта может быть дано только в модусе *ностальгии*, в модусе утраты. Квази-естественное мифологическое прошлое открывается нам в качестве того, *чем мы более не являемся*. «Естественное состояние», игравшее столь важную роль в социально-философских концепциях и идеологических построениях нового времени, согласно Анкерсмицу, является объектом особого ностальгического (возвышенного исторического) опыта. Социальный субъект всякий раз переживает «естественное состояние» как «уже утраченное» и «безвозвратно потерянное». Это переживание мифологического, квази-естественного прошлого является конститутивным моментом историописания как такового, поскольку всякая история (историописание) нуждается в *предыстории*, в осознании своего истока и своих границ.

Трактовка мифологического прошлого как квази-естественного состояния, переживаемого социальным субъектом в модусе ностальгии, высвечивает главный *парадокс* исторического сознания. Он заключается в том, что чем больше прошлое (историческая идентичность) *историзируется* и *нарративизируется*, тем больше оно *мифологизируется*, предстаёт в качестве *квази-естественного* и *внеисторического*. Чем дальше заходит процесс историзации (а отправная точка этого процесса – «возвышенный исторический опыт»), тем больше мифологизируется прошлое, тем больше его фрагментов выводятся за пределы исторического времени и объявляются изначальными, «естественными» и внеисторическими.

В качестве примера парадоксального единства истории и мифа можно привести метаморфозы традиционалистского сознания. Напоминая об изначальной, «примордиальной» Традиции и полагая традиционный порядок в качестве исконного, традиционалистский дискурс самим фактом своего возникновения свидетельствует о *кризисе* традиционного миропонимания, указывает на то, что связь с традицией *уже разорвана*, а идентичность социального субъекта более не определяется его соотносённостью с прежней традицией. Сознание социального субъекта может являться *традиционалистским* именно потому, что оно более не является *традиционным*. Возникновение традиционализма, традиционалистского типа сознания – свидетельство того, что связь с традицией (а следовательно, и подлинная, «изначальная» идентичность) социальным субъектом окончательно утрачена. Именно утрата связи с традицией, конститутивная для традиционалистского типа сознания, приводит к *мифологизации* традиционного социального порядка, который отождествляется с порядком «естественным» и «изначальным». Но происходит это всегда в *исторической* ситуации кризиса традиционного миропонимания, уже предполагающей наличие исторического сознания и критической рефлексии.

Мифологическое повествование об изначальном и естественном, таким образом, не является антитезой исторического повествования. Миф не отрицает возможность истории, но обнаруживает себя в качестве «тени» и оборотной стороны историописания. Мифологизация и историзация (нарративизация) прошлого составляют две стороны одной медали. Историческое мифотворчество является структурно необходимым аспектом историописания как такового.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
3. Дёмин И. В. Исторический опыт и идентичность субъекта в историческо-философской концепции Ф. Анкерсмита // Ценности и смыслы. 2016. № 2 (42). С. 19-30.
4. Дёмин И. В. Проблема исторической идентичности в философии Ф. Анкерсмита // Философская мысль. 2016. № 4. С. 75-88.
5. Дёмин И. В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1. С. 16-25.
6. Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 634-640.
7. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17-38.
8. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.

HISTORY AND MYTH IN PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF FRANK ANKERSMIT

Demin Ilya Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Samara University
ilyadem83@yandex.ru

The paper analyses the philosophical and historical conception of Frank Ankersmit. Special attention is paid to the issue of correlation between historical and mythological ways of the past comprehension. In interpretation of historical experience as nostalgic one Ankersmit overcomes traditional contrasting of history and myth, and considers the myth as a structural element of historical texts creating.

Key words and phrases: history; myth; mythology; historical consciousness; historical experience; nostalgia; Ankersmit.